

РУССКИЙ ФИШЕР

С ЖЕНОЙ Владимиру повезло. Небольшого роста, ладно скроенная, Мария и в свои полсотни лет смеется столь же весело и заразительно, как когда-то в восемнадцать. А плясунья, певунья, до чего любит пошутить! И на слово незлобива, и приветлива. Ну, истинная одесситка. Нет, если б не Мария да сыновья, еще трудней, еще горше была бы жизнь.

...Сзиди нетерпеливо пошипели, и Владимир, оторвав взгляд от рельсов, по которым только что прогрохотал поезд, торопливо включил скорость. Привычно крутил баранку, а в голове все еще отдавался запечатленный равномерный стук колес — тук-тук, тук-тук, напоминающая о чем-то далеком, прошлом. И вдруг это видение, не раз посещавшее его, вновь приплыло из глубин памяти, и он опять увидел себя на перроне Гатчины в феврале далекого 1942 года.

«Надо же. — подивился Владимир своим мыслям. — ведь 50 лет прошло с тех пор, как нашу семью вместе с другими насильно погрузили в «телячьи» вагоны и повезли незнамо куда. Солдаты что-то лопотали на своем непонятном немецком языке, были злы, видно, от мороза, а овчарки-то, овчарки ихние — у-у, зверюги! Смотреть на них и то было страшно».

В ту пору Володе шел четвертый год. сестренке Иде было девять лет, а брату Георгию — 13. Через некоторое время все они вместе с матерью Елизаветой Ивановной оказались далеко от родной Гатчины, в концлагере у города Конци в Польше.

— Хоть и мал я тогда был. — рассказывал Владимир, — во очень многое помню. Лагерь тот и поныне вижу как наяву — забора не было, весь обнесен колючей прово-

локой, которая под электротоком. Взрослые уходили на работу, а дети оставались в бараках. И как только выжили! 150 граммов хлеба на день да баланда. Брат тоже работал, ходил к какому-то бауэру, зажиточному крестьянину.

Он помнит, как избili его мать только за то, что не покорился лагерному начальству, заявив, что она родилась в России и остается верна своей родине. Помнит Володя, как выкачивали из них, малолетних, кровь. Худощие, в чем только и жизнь держится, а у них еще кровь берут!

— В последний раз у Иды взяли кровь, и она двое суток лежала без сознания. У меня тоже брали. — говорит Владимир. — шприцы, запомнилось, были по 50 граммов. А Ида у нас так и не встала похорошему на ноги. Здоровье из нее немцы выкачали, только до 35 лет и дожила».

Семья все же каким-то чудом осталась жива.

С искренней радостью, плача, изможденные неволей, люди встречали своих освободителей. Но радость эта была для многих из них преждевременной. Через некоторое время Елизавета Ивановна Фишер со своими детьми была в фильтровочном пункте НКВД в гор. Гродно, отсюда в октябре 1945 года их отправили на постоянное место жительства в город Котлас. Замететь, не по доброй воле, а силком, да еще и с кличкой «спешперселенец». Одна грубая сила вырвала из родных мест, другая не позволила многострадальным людям вернуться обратно. Одна тоталитарная система отняла у

них свободу, другая продолжила насилить.

И здесь необходимо небольшое отступление. Владимир Николаевич Фишер, водитель автобуса Котласского ДОКА, рассказал мне прелюбопытную историю о том, почему он, русский человек, носит немецкую фамилию.

В 1905 году у крестьянина дер. Дятлово Псковской губернии Сергея Богдановича Богданова и жены его Александровны родился сын Николай (отец Владимира), о чем свидетельствует запись в метрической книге Гатчинского Павловского Собора. Когда Николаю исполнилось 7 лет, отец умер. Мать вышла замуж вторично, за железнодорожного инженера-строителя немца Элвина Фишера, которых усыновил всех ее пятерых детей, дал им свою фамилию и возможность учиться. Прошли годы. Николай Фишер сам стал отцом троих детей и никак не думал, не гадал, какую злую шутку в судьбе его семьи сыграет фамилия отчима. Как-то помочь ей он уже не сможет — всепожирающая война еще в 1941 году стубила его навечно, не оставив никаких следов.

В концлагере Конци Фишеров за немцев не признавали — из России, значит, тем же русским духом заражены. А в Гродно энкаведовцы уже иначе рассуждали: «Фишеры? Так вы же немцы! В спецперселенцы вас, тем более под оккупацией были, может, завербованы врагами. Знаем мы вас». Вот так и оказался Володя Фишер в поселке Стандартдома (ныне ДОКА). Вроде бы такой же, как все мальчишки и девчонки, что бегали

тогда, но, — как и все, да не все.

Спешперселенцы — безобидное на первый взгляд слово, но что стояло за ним! Это были по сути подневольные люди, ибо находились они под постоянным контролем, точнее, надзором. Бог и царь для них, всему голова был комендант. Когда Володьке исполнилось шестнадцать, он так же, как и все взрослые спецперселенцы, без разрешения все-ильного коменданта не мог даже на котласском рынке побывать. Ну что это за жизнь? Он убежал из дома, однажды до Вологды добрался, но поймали, вернули.

В мае 1953 года Елизавета Ивановна решила написать самому Берия, в то время министру внутренних дел страны, чтоб освободили семью от режима спецперселенцев.

Пришлось ждать еще почти два долгих года, пока из Архангельского УВД пришла нужная справка-ос в о б о жденье, подтверждающая невиновность людей.

В армию Владимира не взяли — простыл, случилось осложнение со слухом. Парень из-за этого крепко переживал, но еще больший осадок оставили в душе бестактность и невежество человека, облеченного властью. Работник военкомата, подполковник, сморевший его документы, вдруг жестко бросил ему в лицо короткую и обидную фразу: «Ты немец!». И на том беседа окончилась.

Школу пришлось бросить после пятого класса — надо было зарабатывать на хлеб. В ремесленном училище, стал автокрановщиком. Работая в строительстве № 6, к каким только стройкам города не прикладывал руки свои — мелькомбинат, завод силикатчиков, типография, школа № 3, жилые дома...

Не раз встречались мы с Владимиром, разговаривали о житье-бытье, и когда узнал о его нелегкой судьбе, то больше всего, пожалуй, меня привлекло в нем то, что говорил он обо всем без обиды. Скорее всего он недоумевал — как могло такое случиться, что их семья — простая русская семья — оказалась в своей родной стране среди каких-то спецперселенцев? в чем они провинились перед народом — своей фамилией?

— И как мы выжили, как только психом не стал! И кому это надо было делить вас на русских, немцев, поляков? — тихо сказал он однажды.

Мы посмотрели друг — друга в глаза и замолчали, понимая всю непростоту вопроса.

Грядет новое время. Не ожесточило бы оно наши сердца, не повторило бы ошибок прошлого.

Р. ВЫДРЯКОВ

На снимке: В. Н. Фишер Фото автора.